

И. О. Маршалова
Ульяновск, Россия

ИВАНЫ ИВАНОВИЧИ КОРОБКИНЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ РОДСТВО ОБРАЗОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ЙОГ» И ТРИЛОГИИ «МОСКВА» АНДРЕЯ БЕЛОГО)

Аннотация. В настоящей статье рассматривается уникальный (при всей традиционности), собственно беловский тип героя-чудака, наделённый грандиозной силой житнетворения. В качестве материала исследования привлечены рассказ «Йог» (1917) и трилогия «Москва» (1926–1930). Последовательно доказываются как концептуальная близость образов героев-чудаков, выведенных Андреем Белым в двух анализируемых текстах, так и их сквозной характер в литературном наследии романиста. Особое внимание уделено структурной (повторяемость в тексте, ассоциативность) и семантической (бытовой и онтологической) роли мотивов, составляющих повествовательное поле героев.

Ключевые слова: Андрей Белый, трилогия, «Йог», чудака, символика, мотивная организация повествования.

I. O. Marshalova
Ulyanovsk, Russia

IVAN IVANOVICH KOROBKIN: CONCEPTUAL RELATIONSHIP OF IMAGES (ON THE STORY «YOGI» AND THE TRILOGY «MOSCOW» MATERIAL)

Abstract. This article discusses the unique (for all traditional) actually Belovskij crank-type hero, endowed with the power of a grand revive. As research material involved story "Yogi" (1917) and the trilogy "Moscow" (1926–1930). Consistently proved as a conceptual proximity images heroes cranks derived Bely analyzed in two texts, and their cross-cutting nature of the literary heritage of the novelist. Particular attention is paid to structural (repeatability in the text, associativity) and semantic (household and ontological) as motives constituting narrative field heroes.

Key words: Andrew Bely, trilogy, "Yogi", crank, symbolics, motive novel's structure.

«О герое романа „Москва“, Иване Ивановиче Коробкине, рассказывал я Вячеславу Иванову в 1909 году (когда писал „Голубя“); последний просил меня написать повесть о фигуре, живо волновавшей мое воображение ...» [Белый 1988: 12], — отметил Андрей Белый в статье-отчёте об искусстве создания прозы «Как мы пишем» (1930). Далее писатель указал, что, будучи в Коктебеле летом 1924 года, он и не помышлял о написании романа «Москва», предполагая «писать некий роман под заглавием „Слом“» [Там же]. Но тема будущего «московского» романа, «фон фабулы» неожиданно (во многом под воздействием пробудившейся на юге страсти Белого к коллекционированию «коктебельских камушков», послуживших в итоге «макетиками красочной инсценировки „Москвы“» [Там же]) вышли на поверхность, а «из темы, звука, как яйца, вылупился цыпленок, Коробкин, абстрактно пережитый давно, а теперь получивший плоть: из красок, слов, образов, жестов» [Там же: 13]. Однако между «давнишним образом 1909 года», о котором упоминает автор «Москвы», и героем самого романа стоит ещё одна, чрезвычайно интересная фигура, вошедшая в рассказ Белого «Йог» (1918).

Авторы воспоминаний об Андрее Белом и непосредственные исследователи его творчества неоднократно отмечали восхождение образа чудака-профессора Коробкина к реальному лицу, а именно — отцу Бориса Николаевича, Николаю Васильевичу Бугаеву, известному профессору, деятелю Московского университета и одному из учредителей Московского Математического общества [Ходасевич

2004: 732–752; Зайцев 1988: 557–591; Иванов 1999: 11–28]. Биографической канвой оказались связаны крупные формы в творческом арсенале Белого («Петербург» (1911–1913), «Котик Летаев» (1915–1916), «Крещёный китаец» (1920–1921), «Записки чудака» (1918–1921), наконец, трёхчастный роман «Москва» («Московский чудака» (1926), «Москва под ударом» (1926), «Маски» (1932)), анализ сюжетов, мотивов и образов которых выявил эволюцию темы внутрисемейных отношений (отец–сын; муж–жена) с большим количеством внутритекстовых аналогий, параллельных ситуаций, мотивных переплетений. Но собственно литературные прототипы Коробкина-профессора остались в некоторой тени. Одним из них, без сомнения, можно назвать героя небольшого рассказа Белого «Йог».

Хотя действующие лица «Москвы» и «Йога» по имени, отчеству и фамилии полные тёзки, с профессором математики Коробкиным главного героя рассказа связывает не одно только имя¹. На идейно-тематическом, концептуальном уровне персонажи

¹ О прототипах, ставших отправными точками образов героев «Йога» и «Москвы», В. М. Пискунов отметил следующее: «В Коробкине — и „Йога“ и „Москва“ (хотя они — и разные персонажи, персонажи-омонимы) — Белый соединил себя с отцом — известным математиком, профессором Московского университета Н. В. Бугаевым, взяв „красок“ и из биографии Н. Федорова — автора „Общего дела“, библиотечного работника, каковым выведен и герой рассказа. В судьбе отца и Н. Федорова Белый услышал тему своей собственной судьбы — тему неуслышанного пророка» [Пискунов 2000: 7].

рассматриваемых произведений очень близки друг другу.

И романый Иван Иванович, и Коробкин сказа — преданные служители своей профессии, своему делу. Из текста рассказа узнаём, что герой «Йога» совмещал в себе функции музейного работника и библиотечного сотрудника, словом, «Иван Иванович Коробкин был служащим одного из московских музеев, заведующим библиотечным отделом без малого сорок уже лет» [Белый 2000: 235]. Профессор Коробкин заявлен учёным, совершившим открытие в математической области, и преподавателем университета.

Жизнь и того и другого в привычном, бытовом её течении кажется ничем не примечательной: неналаженное хозяйство (даже полное отсутствие такового), невнимание к насущным проблемам быта, наконец, тяжелейший разлад с обступающей со всех сторон действительностью.

Оба боролись с бессмыслицей, абсурдностью человеческого существования. Музейный работник Коробкин искал и не находил «внятных слов» для выражения переживаемых им впечатлений от созерцания других миров, жизни ушедших эпох, представивших пред ним в медитациях. Но неизбежно приходил к пониманию, что от столкновения со злополучной повседневностью, недалёковидностью окружающих «внятное слово должно б непременно распасться и стать — венком слов: <...> быть невнятицей.

В этой невнятице проживал много лет» [Белый 2000: 242].

И усилия математика Ивана Ивановича Коробкина, для которого «с детства мешанилась жизнь», выступая «клопинными пятнами, фукая луковым паром у плиты» [Белый 1989: 37], постоянно направлены на конструирование разумного бытия вокруг обступающей бесформенности и бессистемности быта. Оттого-то ужасно «боялся невнятиц» и, «едва заподозрив в невнятице что бы то ни было, быстро бросался — рвать жало: декапитировать, мять, зарывать и вымащивать крепким булыжником». Но «пóд пол плененная все же сидела она, <...> он все боялся, что — вот: приоткроются двери, и фукнет кухарка отчетливым луковым паром; по рябеньким серым обоям прусак поползет» [Там же: 38]. Надо сказать, что «насекомых боялся» [Там же: 37] известный учёный, боролся с ними нещадно. «Вел войны» даже с «кусаками» (мухами) — «перехитрит — кто кого» [Там же: 19], довольно жестоко расправляясь с пойманными насекомыми.

В домашнем обиходе Ивана Ивановича Коробкина, почтенного служащего библиотечного отдела, также случались небольшие неприятности. Как-то «завелись тараканы», но «переморить их не мог он (был мягкой души человек)». В таком случае герой пошёл на хитрость: «насыпавши сахару в таз, нало-

вил тараканов туда» [Белый 2000: 237], да и выпустил в переулочек.

Вот типичное поведение чудаковатых старцев в быту, всеми силами отстраняющихся от него и отстраняющих² жизнь повседневную, рутинную, странным (зачастую — смешным, непонятым) образом решающих свалившиеся на плечи проблемы. Но как бы ни были нелепы чудаки в быту, — в вопросах науки, воспитания человеческого духа, глубокого сострадания ближнему им нет равных. Способность сочувствовать оступившемуся, пусть причинившему неудобства, страдания самому герою, — лейтмотивная черта Коробкиных. За Иваном Ивановичем сослуживцы по музею «замечали», что «моменты внимания к кому бы то ни было совпадали обычно с какой-либо крупной житейской неудачей этого кого бы то ни было» [Белый 2000: 237]. Профессора Коробкина также отличают удивительные акты милосердия: участие к собственной жене, обманывающей его с давним университетским товарищем; после совершённого над Иваном Ивановичем преступления — искреннее прощение своего учителя.

Мотивный характер имеют и особенности речи интересующих нас персонажей: афористичность, лаконичность, вместе с тем некоторая косноязычность, страсть к вводным словам, повторениям излюбленных оборотов, каламбурам³. «В сущности говоря», «собственно говоря», прибавление частицы «с» к словам в каждом удобном и неудобном для этого случае — характерные в речи музейного служащего особенности: «Говорят, что однажды Иван Иванович Коробкин, прогуливаясь по музейному дворику, обсаженному деревьями, воскликнул:

— Рай, господа, в сущности говоря, ведь есть сад...

— Мы в саду.

— Собственно говоря, мы в раю...» [Белый 2000: 236]

Эти языковые особенности, заявленные на страницах «Йога», встречаются в речи романного Коробкина, обогащаясь огромным числом подобных готовых словесных формул, служащих профессору для связки мыслей, для выражения глубокого со-

² Ср. с названием второй подглавки первой главы мемуарной книги «На рубеже двух столетий» — «Остраннитель быта», в которой Белый описывает чудачества отца в домашнем обиходе, в кругу родных и знакомых [Белый 1989: 65].

³ Каламбур, по Белому, — есть несомненное средство «вырыва» из обступающего со всех сторон нескладного быта. Об этом, в частности, романист пишет в той части мемуаров, которые посвящены осмыслению фигуры отца, знаменитого математика Николая Васильевича Бугаева: «Закупоренный в проявлениях жизни средой и квартирою, собственной мрачной иронией „каламбурищ“ горел мой отец, каламбурами уничтожая нещадно все то, перед чем он склонялся в своем брэнном облике: да, каламбуры — отдушина; и в нее улетали поры живомыслия» [Белый 1989: 69].

держания произносимого. Наиболее употребительными из них становятся «в корне взять» и «дело ясное». Обращаясь к своему истязателю Мандро, требующему выдать открытие, профессор читает ему наставление и одновременно приходит к прочному убеждению о призрачности культуры, светлой разумной жизни в обступающем со всех сторон воинствующем хаосе современности:

«— В корне взять, — взрывкнул он, — я уже ждал вас; меня, дело ясное, — не удивите: я знаю, что жил в заблуждении, думая: — он усмехнулся, — служенье науке-де знак объективный служения истине, гарантирующий, в корне взять, частную жизнь; я — ошибся, — подшаркнул с иронией, — думая, что ясность мысли, в которой единственно мы ощущаем свободу, настала: она в настоящем — иллюзия; даже иллюзия — то, что какая-то там есть история: в доисторической бездне, мой батюшка, мы, — в ледниковом периоде, где еще снятся нам сны о культуре...» [Белый 1989: 349].

В таком точно «заблуждении» пребывал и «йог» Коробкин, в наступившем брожении масс, разворачивающих знамёна Революции, предположивший было выход к новой светлой жизни. Восторженное приятие совершающегося переворота обернулось для него глубоким разочарованием и страшным открытием животной сущности происходящего: «Иван Иваныч Коробкин отчетливо видел, с трибуны, кровавые страсти, как головы рыкающих леопардов, в огромной толпе; видел: желтые лица, налитые чёла, враждебные очи, разорванные оскалом уста» [Белый 2000: 252]. «Иллюзией» оказались воззвания и лозунги «о свободе», «о возможности перевернуть жизнь по-новому», «о любви и о равенстве: братстве народов», ибо понял чудаковатый старец, взывавший перед хмурой толпой к неслезанному, вечному, чистому бытию, что «преображение не свершится еще; будущее, приподнявшись из недр разряженной стихии, отступило» [Там же: 252].

Переворот социальный в силах изменить лишь форму общественных институтов, оставив нетронутым содержание человеческой жизни. Кардинальное обновление всех сфер жизнедеятельности человека возможно лишь с глубинного понимания необходимости таких перемен, чему предшествует тяжелейшая духовная работа над собственным «я» каждого человека. Возможно, именно поэтому математик Коробкин «ненавидел и привкусы слов: р е в о л ю ц и я; он полагал, что толчок есть невнятица» [Белый 1989: 39]. Отсюда индифферентность обоих героев к политическим организациям, партиям и подобным им объединениям, работающим над чем угодно, только не над поиском смысла жизни. О Коробкине-музеевде в данном случае говорится то же, что и о его романном тёзке: «Среди музейных своих сослуживцев он вел себя как человек старомодный, чуждавшийся всякой политики; даже боявшийся поли-

тической жизни; более всего он чуждался кадетов ...» [Белый 2000: 243]. Похожую характеристику находим на страницах «Москвы»: «... революция 1905 года — расшибла: он с этой поры все молчал; и когда раздавалось ретроградное слово “к а д е т ы”, — в моргающих глазках под стеклами виделось бегство зрачков, перепуганно вдруг закатавшихся в замкнутом круге» [Белый 1989: 39].

Удержаться на плаву в обезумевшем мире, не затеряться среди толпы, озабоченной насущными потребностями, но не нуждающейся в «сошествии Духа в сердца» [Белый 2000: 251], не сознающей глубины назревшего кризиса, ощущающей лишь жестокую ненависть к привычному образу жизни, помогают Коробкину «мудреннейшие упражнения в чисто нравственной сфере», ибо «Иван Иванович был собственно *йог*, а не служащий» [Там же: 240]. Сквозным мотивом образа чудаковатого старца в связи с его необычными занятиями, кои делились, собственно, на «три сферы: 1) *на концентрацию мысли*, 2) *на медитацию*, 3) *на контемплацию...*» [Там же: 241], — становится чудо-существо — «звездо-птица» [Там же: 249], огненный посланник Всевышнего⁴, с помощью которого и входил Коробкин в контемплацию, т.е. беседовал с Учителем о божественном, прекрасном и вечном.

В заключительной части рассказа мотив звезды вырастает в символ вечной жизни, нетленности духа — божественных благ, коих удостоивается праведный старец, завершивший свой земной путь: «Между тем: подлинный Иван Иванович Коробкин, поднявшийся на террасу огромнейшей башни, стоял, опершись на перила, и созерцал миры звезд, перемещающих места свои в небе; *к нему мчалась звезда его*, чтоб... отнести навсегда к ожидающему... Учителю» [Белый 2000: 253].

Мотив таинственной звезды, появившийся на страницах «Йога», замерцает затем в «Москве под ударом», когда на чествовании Коробкина в университете один из присутствующих преподнесёт математику в дар необычный подарок: «Увенчали приветствием бактериолог Бубонев и Штернберг, астроном; последний поднес юбиляру открытое только пред этим светило, — не “а л ь ф у”, не “б э т у”, не “д е л ь т у” и даже не “э п с и л о н”»: звездочку “к а п п а”, которой и дали название “к а п п а-К о р о б к и н” ...» [Белый 1989: 239]

Во второй части трилогии странное открытие досаждал Коробкину, мучает во снах, и он не понимает ещё потаённого смысла явления:

⁴ Несомненной представляется отсылка в данном случае к образу Неопалимой купины, знаку божественного присутствия в мире и богоизбранничества героя, «символу непорочной чистоты, поглощенной своим собственным пламенем» [Кишло 2010: 286].

«— Сегодня — коробка, а завтра, — а завтра, вскосматился он, “каппа” какая-нибудь» [Там же: 253].

И лишь в «Масках», заключительном томе романа, не без участия благородной сестры милосердия Серафимы (символического в плане своего имени и влияния на занемогшего профессора персонажа) наступает полное осознание и принятие внутреннего переворота: «“Не одно-с, — убеждал он себя же скачками своей бороды, — два открытия сделаны мной: Серафима открылась! И — “Каппа”, звезда!”» [Там же: 569]. Отсюда вырастает «звёздная» тема устроенной Коробкиным встречи мучителя и жертвы: проходимца Мандро, зверским насилием погубившего своё чадо и явившегося перед взором оскорблённого им создания молить о прощении, и Лизаши, принимающей раскаяние отца: «Оба бредили.

Вспомнился сон о кабине: —

— в кабину завинчивает их
косматый профессор, чтоб он с узкотазою дочкой,
в пустотах вращаясь, меж древних созвездий, —
в “к о н к у р с и д е р и к”, состязаясь с боли-
дами, первую премию взял; —

— а —

— у Пса —

— будет станция!»

[Там же: 731]

Сакральные перевоплощения генетически близких друг другу героев — йога Коробкина и профессора Ивана Ивановича — подтверждают заветную мысль автора о возможности нравственного самосовершенствования, абсолютного духовного перерождения личности, её благотворного влияния на окружающий мир. Ибо «разбудить в человеке человека» (Л. К. Долгополов) есть цель творческих

поисков художника, лейтмотив личной и литературной судьбы Андрея Белого

Таким образом, можно говорить о генезисе и особой (концептуальной) значимости образа чудака в творческой лаборатории писателя, его символическо-метафорической насыщенности и высокой степени семиотичности.

ЛИТЕРАТУРА

Белый А. Йог // Андрей Белый. Проза Поэта. — М.: Вагриус, 2000. — С. 235–253.

Белый А. Как мы пишем / Предисл. и публ. В. Сажина // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сборник / Сост. С. С. Лесневский, А. А. Михайлов. — М.: Сов. писатель, 1988. — С. 10–19.

Белый А. Москва: Московский чудаки; Москва под ударом; Маски / Сост., вступ. ст. и примеч. С. И. Тиминной. — М.: Сов. Россия, 1989. — С. 17–768.

Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания: в 3-х кн. Кн. 1 / Подгот. текста и коммент. А. Лаврова. — М.: Худож. лит., 1989. — С. 33–543.

Зайцев П. Н. Московские встречи. (Из воспоминаний об Андрее Белом) Предисловие Юрия Ююкина. Публикация и примечания В. Абрамова // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сборник / Сост. С. С. Лесневский, А. А. Михайлов. — М.: Сов. писатель, 1988. — С. 557–591.

Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории / Пер. с англ. Ф. С. Капицы, Т. Н. Колядич. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. — С. 5–525.

Иванов Вяч. Вс. Профессор Коробкин и профессор Бугаев. (К жанровой характеристике романа «Москва» Андрея Белого) // Москва и «Москва» Андрея Белого: Сборник статей / Отв. ред. М. Л. Гаспаров; Сост. М. Л. Спивак, Т. В. Цивьян. — М.: РГГУ, 1999. — С. 11–28.

Пискунов В. М. Переживание ритма // Андрей Белый. Проза Поэта. — М.: Вагриус, 2000. — С. 5–8.

Ходасевич В. Ф. Аблеуховы — Летаевы — Коробкины // Андрей Белый: pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников: Антология / Сост., вступ. ст., коммент. А. В. Лаврова. — СПб.: РХГИ, 2004. — С. 732–752.

Данные об авторе

Ирина Олеговна Маршалова — аспирант кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова, научный сотрудник историко-мемориального центра-музея И. А. Гончарова (Ульяновск)

Адрес: 432600, Ульяновск, ул. Гончарова, 20

E-mail: irina-marshalova@rambler.ru

About the author

Irina Olegovna Marshalova is a postgraduate student of the department of Literature, Ulyanovsk State Teacher-Training University, research worker of Historical and Literary Museum of I. A. Goncharov